

4. Хитовик А
5. А все там мои вертятся и мигают в небе звезды.
6. Новости Бирск. ТЮЗ

37

Театр

КАКИЕ ГЛАЗА У МЕЧТЫ?

С самого детства у меня с театром связано ощущение праздника. Я не помню, чтобы нас в школе водили целым классом, заставляли и забывали, на поминки, что мы сами в наш любимый ТЮЗ шлились со всех ног, замирая в сонном восторге и чуде. ТЮЗ — это детство, отрочество, юность, это вера в мечту, в счастье, бы мечтали от жизни, самой прекрасной поры в жизни человека. И мы, идя в театр, надевали белые фартуки; закрывали красивые комты, больше в ту последнюю минуту перед тем как было укрывать скромные стелы ученических форм. А маленьким гордо вышагивали в трикотажных футболках и пышных шарарахах. Мы были полными, которых слыхом не слышало о джинсах, сафари и прочих престижных атрибутах сегодняшней молодежной моды. А уж были там шаржики, колени, броши, мы вообще пренебрегли в первые годы, извращения, уже выйдя из института, хотя стоили они тогда неадекватно дорого.

Все это я вспоминаю впервые не затем, чтобы в очередной раз прочитать лекцию на тему нашего эстетизма и высокого нравственного уровня, укорить сегодняшнюю молодежь в чувственной несостоятельности. Просто захотелось поразмышлять над одним грустным явлением — почему в детском театре так пусто. Где его зрители?

На спектакль «Гуманность в небе мечты» я пришла в один из дней воскресных мажнук. И как-то настроилась на то, что встретит меня здесь прямо сразу, у входа, что-то яркое, заманчивое, увлекательное. Может, это будут воздушные шары или лампочки, может, какие-то плакаты, рисунки. В общем, ждала, празднично. А увидела будний день, деловую аспальку, неприглядное фойе, привычную стелку с маленькой традиционной выставкой рисунков, очереди в буфет за пирогами и бутербродами. Зал был полон, но не парадно.

Я понимаю: все ждут новый ТЮЗ, в этом доверяют, и нет уже, наверное, желания что-то украшать, подражать, как-то сглаживать впечатление современности. Но ведь все равно приход в театр должен быть событием. А почему бы детей не встретить молодым актерам? Почему бы не устроить экскурсию в сценические недр театра, где шпект костюмы, делают декорации, создают причудливый, загадочный мир сказки. Пусть не всех сразу, а в больших группах водили бы ребят по цехам, рассказывали, показывали. Знаю: театр устраивает такие экскурсии, но ведь как-никак, когда самый зрительский зал, — наиболее подходящее время для такого вот неофициального общения с ребятами. Здесь-то и надо искать сво-

его зрителя, ловить его восхищенный взгляд, жаждущий хоть чуть-чуть прикоснуться к тайне. И еще важно, чтобы дети почувствовали: их ждали здесь, к их приходу готовились специально, стараясь что-то придумать увлекательное.

Дети ведь очень любят тайны, горды, когда взрослые доверяют им, впускают в свою, полную непонятных работ жизнь. Еще они обожают всякую игру, об этом тоже не следует забывать. И не надо бояться выбиться из режима, они от него в школе устают. Одна девочка, вполне благовоспитанная и благополучная, призналась, что ей очень не хватает маскарада, она идет от театра какой-то возбужденной, веселой, беспарашной кутерьмы, в которую и ее бы вовлекли. Хотя на минутку. Ей надоело быть зрителем, хочется самой поучаствовать в действе, сбросив с себя чопорность отличницы. Вспоминаю, как много вовлекли в спектакль наших чинных зрителей призывавшие прошлым летом рыжиком и как, поначалу робко, а потом все увереннее чувствовали себя артисты на сцене рядом с профессионалами. Отпихивали так, что пыль столбом. И разве это не шаг к зрителью? Шаг, да еще какой большой!

Возвращаясь к тому вседневному спектаклю, замечу, что на сцене все было в порядке — гуманизм итался, попергала в умах взрослых, выливая в них все самое сокровенное: у директора школы — мальническое любопытство и азарт, у учителей — затесный страх, у директрисы — озорство. Молодой, но уже популярный актер Андрей Завякинцев был естествен, раскован, пластыча, хорошо пел, обаятельно улыбался и очень понравился зрителям. Они

ему тихоно подпевали, охотно смеялись его остротам, ждали от него очередных забавных выходов. И ни не обманывал доверия ребят, случайно находил зафудолет, общался запросто с инопланетянами, вдохновенно рассказывал одноклассникам о своих приключениях, летал с астронавтами и т. д. И все ему удавалось, везде он успевал, кроме школы.

Спектакль, не ставя перед собой особо сложных воспитательных проблем, тем не менее выполнял свою гражданскую миссию, учил верить

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ

в романтику, в мечту, идти за ней или лететь, как Лепотухин, прямо к звездам. И еще он обличал лицемерие и ханжество в лице школьных лидеров, быстро перестававшихся в отношении Лепотухина, когда речь зашла о популярности и славе.

Второй спектакль на этой же серии по всякому волшебству я смотрела уже после канкула, где-то в середине августа. Он и называется «Чудеса в ожидании лета» (пьеса А. Корница, режиссер — дипломник ГИТИСа В. Воронцов). На этот раз я пересчитала всех зрителей. Зал был пустын. Мы все вместе два занимали три первых ряда. Администрация недоумевала: в чем дело? Билеты ведь были куплены! Еще тлела надежда, что подоспеют к семи, спектакль начал в шесть, а многие могли традиционно рассчитывать на семь. Но я этому часу никак не могла прийти к справедливости? Жаль было Андрея Завякина (он вышел в сцену с температурой), но только чуть хриплый голос выдавал его состояние. Артист вел трудную сию роль самоотверженно, не позволяя себе расслабиться: сива болезнь в кулак. И как жаль ему горячо аллодировать,

даже кричали «браво!», как мон соседки, хлопая каждая за троих, старались создать впечатление массовости, чтобы хоть как-то сгустить зияющую кругом пустоту.

Кстати, в этот вечер в ТЮЗе была одна из самых отдаленных школ Завьяловского района. Ребята не побоялись дальней дороги и уезжали очень довольные. Они рассказали, что часто сюда ходят, любят ТЮЗ, смотря, а потом обсуждают все спектакли. И в том, как они явля себя в зале, чувствовалась уже некоторая театральная культура. И поговорить о спектакле они могли, и свободно рассуждали насчет воспитательных задач пьесы. Кеша (главный герой) понравился больше всего потому, что он бескорыстен, не спекулирует своим даром актриса. А ведь он, свободно передвигающийся телевизоры, облака и телефоны, маг и волшебник, мог бы внушить зрителям мысль о своей исключительной одаренности.

Театр утверждает своим спектаклем: не бойся потратиться на человека, отдай ему побольше от своего сердца, тыни изю всех сил к свету то маленькое зернышко, из которого вырастет потом зеленый живой росток. Театр старается передать своим зрителям веру в силу человеческого участия; на сцене тесно от быстро сменяющихся событий, а вот вне сцены — пусто и одиноко. Так кому же адресован этот страстный призыв? Кто его услышит?

Я вовсе не хочу обвинять театр в том, что он играет не тот репертуар, как раз пьесы, о которых я упоминала, — новые и явно удачные работы ТЮЗа (о чем уже писал наши газеты). Нельзя же воскидывать строгий ультиматум, а не бороться? Борьба за своего зрителя, умного и чуткого, преданного ТЮЗу, как это делает наш областной театр драмы, где зал никогда не пустует. Надо просто четко знать причины и организационные, а свои. В той ситуации (на

спектакле «Чудеса в ожидании лета»), наверное, вышло так: билеты-то общественные, распространители «распоткали» по организациям, деньги им отдали, а зрители не пришли. Ведь случается, как рассказывал мне один комсомольский работник крупного завода, что билеты эти и не доходят до людей. Профком ли, комсомол, комитет комсомола, чтобы не было неприятностей, просто перечисляют деньги за билеты, а зрители не организуют, даже не пытаются. Почему? Да просто не привлекли к этой работе, не знают часто, как ее вести. Вот тут-то тоже требуется совет опытных организаторов, людей заинтересованных, преданных театру. Особенно сегодня, когда входит в жизнь школьная реформа, велика и ответственна воспитательная миссия детского театра.

Не верится, что новое прекрасное здание ТЮЗа, которое мы все так ждем, сразу разрешит все проблемы. Ну, придет раз-другой из любопытства поглядеть, что за чудо выстроили. И тут нет никакого противоречия, вроде бы я призывала к яркости, заманчивости, и правду, а когда он, наконец, придет, я не верю в его силу. Верю, но думаю, что это тоже не единственный путь к успеху. Ведь такое положение, и стиль нашему, во многих театральных залах города. Нам пишут любители оперы и симфонической музыки, те, кто постоянно посещает консерваторию. Они тоже недоумевают: почему в зале пусто. А вот наши эстрадные площадки тешат пощам, там нет недостатка в публике. Мы с тревогой отмечаем это, пытаемся объяснить, но очень мало делаем, чтобы изменить положение. «Смотрят только глаза; видят глаза, ум и сердце», — говорит старая пословица.

— У мечты есть глаза? — спросила меня когда-то давно маленькая девочка, которую я привела на балет «Щелкунчик».

— Конечно, есть, — отвечала я.

— А какие они? — не унимался ребенок.

И я подумала, что они у всех разные, только в них обязательно живет детство, с которого начинается человек.

М. КОРОЛЕВА.